

Сюжет в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 821.161

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии (сюжет об избииении беса святым)

Татьяна Ивановна Ковалева

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Аннотация

Рассматривается нетипичный для оригинальных древнерусских сочинений сюжет видений об избииении беса святым, вошедший в предложенную нами ранее типологию. Она представляет один из возможных способов систематизации обширного, тематически разнообразного материала видений. Большинство примеров, включенных нами в типологию, – сюжеты, выявляющиеся в составе агиографических повествований разного типа. Рассмотренный сюжет – один из таких случаев. Нами проанализированы два примера видений, содержащих сцены расправы над бесами, из литературных сочинений разного времени: Византийского Жития Андрея Юродивого одним из первых, в XII в., познакомившего русского читателя с этим сюжетом, и Жития инока Епифания, появившегося на излете древнерусской традиции. Отмечены типологически схожие черты видений: наличие общей структурной схемы, участие в формировании события видения сразу двух персонажей, сакрального и inferнального миров. Выявляющаяся при анализе сцены избииения беса специфика задана традицией, временем создания сочинений и их прагматической направленностью. Так, занимательный, наглядный рассказ об избииении беса, изобилующий художественными деталями, в византийском житии характеризует высоту духовного подвига святого. В Житии Епифания подобный рассказ отражает мировосприятие подвижника – автора одной из первых на Руси автобиографий, также демонстрирует феномен «литературной материализации видений». Примеры видений из Житий Андрея Юродивого и инока Епифания позволяют проследить эволюцию изображения сцены избииения беса святым в литературном процессе средневековой Руси, отражающую значительные изменения жанра видений в переходный период отечественной словесности.

Ключевые слова

древнерусская агиография, жанр видений, сюжет об избииении беса святым, Житие Андрея Юродивого, Житие инока Епифания

Для цитирования

Ковалева Т. И. Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии (сюжет об избииении беса святым) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 5–15. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

© Ковалева Т. И., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 5–15

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 5–15

From the Comments on the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography (The Plot of the Beating a Demon by a Saint)

Tatyana I. Kovaleva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Abstract

This article examines the plot of visions on the beating a demon by a saint is not typical for the original Old Russian writings. This plot is included in the typology proposed earlier. It represents one of the possible ways of organizing a vast, thematically diverse material of visions. Most of the examples of our typology are plots in the composition of hagiographic narratives of various types. The considered plot is one these cases. We have analyzed two examples of visions containing scenes of beating demons from literary compositions of different times. From the Byzantine Life of Andrew the Fool that one of the first in the 12th century introduced the Russian reader to this plot. Also from the Life of the Monk Epiphanius written at the end of the Old Russian tradition. Typologically similar features of visions are noted: the presence of a common structural scheme, participation in the formation of the event of two characters of the sacred and infernal worlds at once. The revealed specificity of the scene of beating demons is explained by tradition, the time of writings and their pragmatic orientation. Thus, an interesting, visual story on the beating the demon full of artistic details in the Byzantine Life characterizes the height of the spiritual feat of the saint. In the Life of Epiphanius, a similar story reflects the worldview of an ascetic, also demonstrates the phenomenon of “literary materialization of visions”. Examples of visions from the Lives of Andrew the Fool and the Monk Epiphanius demonstrate the evolution in the depiction of the scene of the beating demons in the literary process of medieval Russia, reflecting significant changes in the genre of visions in the transitional period of Russian literature.

Keywords

Old Russian hagiography, genre of visions, the plot of the beating a demon by a saint, The Life of Andrew the Fool, The Life of the Monk Epiphanius

For citation

Kovaleva T. I. From the Comments on the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography (The Plot of the Beating a Demon by a Saint). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

Древнерусские видения, являющиеся частью христианского литературного наследия, – обширный, тематически разнообразный материал, анализ которого неизбежно приводит к вопросу его систематизации. Решение этого вопроса важно для описания фонда сюжетов, характеристики самого жанра видений, уточнения его специфики и т. д. Ранее нами был предложен опыт типологии видений, связанных с земным бытием человека¹, на материале главным образом оригинальной

¹ Другая разновидность видений – эсхатологические, о посмертной участи души, устройстве ада и рая, т. е. те, предметом которых является «малая» эсхатология, в силу своих особенностей требуют разработки иных принципов типологии. Исследованию эсха-

древнерусской агиографии XIII–XVII вв. [Ковалева, 2019]. Представленная типология – один из возможных подходов к систематизации материала. В ее основе лежит идея связи жанра с картиной мира древнерусского человека, характеризующаяся подчеркнутой дуальностью. Согласно идее дуализма выделяется две группы персонажей иного мира, являющихся в видениях: сакрального и inferнального. В свою очередь, в соответствии с функциями этих персонажей выделяются и тематические разновидности сюжетов видений, вошедших в типологию.

В древнерусской литературе (как и в средневековой западноевропейской) видения на раннем этапе своего существования встречаются исключительно как «малая форма» (термин Е. К. Ромодановской) в составе других жанров средневековой словесности – агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия и др. (см.: [Ромодановская, 2002, с. 296]). В виде отдельных сочинений видения начинают появляться в XVI в. (Видение хутынского пономаря Тарасия, Повесть о видении Антония Галичанина), сосуществуя с видениями, продолжающими включаться в памятники другой жанровой принадлежности. Е. К. Ромодановской была сформулирована задача изучения древнерусских видений не только выделенных в отдельные сочинения, но и как «малой формы» [Там же]. Поскольку этот материал не привлекал должного внимания исследователей, большинство примеров, включенных в тематические разделы типологии, – это эпизоды видений, выявляющиеся в составе агиографических повествований.

Апогея развития жанр видений достиг в XVII в. Н. И. Прокофьевым на материале видений Смутного времени описана их структурная схема: 1) молитва или раздумье тайнозрителя, после чего он впадает в «тонок сон»; 2) собственно видение, во время которого чудесные силы, сообщая тайнозрителю откровение, разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; 3) пробуждение и испуг тайнозрителя; 4) постижение тайного смысла откровения; 5) приказание о проповеди откровения среди народа [Прокофьев, 1964, с. 40]. Эта схема не может претендовать на универсальность, так как она выявляется в основе ограниченной группы видений, представляющих собой отдельные сочинения. Однако с учетом наблюдений Н. И. Прокофьева нами проанализирована тематическая группа видений, связанных с основанием церкви/монастыря, существующих исключительно в составе повествований. Показана эволюция структурной схемы видений в контексте сочинения с сохранением ее основных элементов, по которым жанр опознается: 1) исходная ситуация видения (часто это какое-либо состояние измененного сознания тайнозрителя: молитвенное состояние, «тонкий сон», «исступление ума»); 2) собственно видение; 3) итог видения [Ковалева, 2017, с. 16–17]. Ее элементы при анализе конкретных сочинений могут быть «прописаны» более детализировано. Кроме того, нами исследован процесс развертывания события в повествованиях и роль видений в нем. При этом показано, что тайнозритель (термин Н. И. Прокофьева) – свидетель и участник чудесного события, в рассмотренных случаях и главный герой сочинения, в момент видения уступает свой статус: главными героями становятся посланцы иного мира, без которых невозможна сама ситуация видения. Благодаря развертыванию их функций осуществляются

тологических видений в русской рукописной книжности посвящена монография А. В. Пигина [2006].

основные события, которым сочинения посвящены [Ковалева, 2017, с. 16–17]. В частности, это значимое обстоятельство позволяет рассматривать видение как «сюжет в сюжете» и соответственно описывать его, как и любой другой сюжет.

Несмотря на общую схему, согласно которой видения строятся, они, как упоминалось, в содержательном плане могут быть весьма разнообразны. Обратимся в данной статье к примерам видений, имеющих нетипичный для оригинальных древнерусских сочинений сюжет об избиении беса святым, выявляющийся в сравнительно небольшом их количестве.

История сюжета об избиении беса святым в книжности и иконографии средневековой Руси рассматривается Д. И. Антоновым [2010], исследователь отмечает, что прежде всего этот сюжет отражен в переводных византийских памятниках [Там же, с. 61], например в Житиях Симеона Столпника, Антония Великого, Николая Мирликийского, Андрея Юродивого др. В древнерусских сочинениях названный сюжет выявляется в период наметившегося «слома» поэтики русской средневековой литературы, существенные изменения она претерпевает во второй половине XVII в.: «В эту эпоху в целом ряде сочинений появились красочные рассказы о “физической расправе” над демонами» [Там же, с. 74]. Широкое знакомство с сюжетом на Руси обеспечивали не столько тексты, сколько памятники древнерусской иконографии [Там же, с. 70]. Что касается именно древнерусского сюжета видений, где святой избивает беса в духовной реальности, то он фиксируется в XVI в. в Киприановской редакции Сказания о Мамаевом побоище (видение Василия Капицы и Семена Антонова: святой митрополит Петр колет своим золотым жезлом конное войско эфиопов), в XVII в. – в Житии Юлиании Лазаревской (видение Юлиании Лазаревской: святой Николай избивает бесов, собирающихся убить подвижницу, палицей, «единаго же беса поймав, мучаше») ², Житии инока Епифания (в одном из видений Епифания Богородица мучает беса, пришедшего убить подвижника), также в Повести о Соломонии бесноватой (в видении Соломонии являются святые Прокопий и Иоанн Устюжские: Иоанн разрезает «копием» утробу героини, достает из нее бесов, а Прокопий в первый раз убивает их своими кочергами, во второй – затаптывает, «давляше их ногою своею» ³).

Рассмотрим некоторые особенности видений, содержащих описание расправы с бесами персонажей сакрального мира, на двух примерах из литературных сочинений разного времени. Первый пример сюжета, об избиении бесов Иоанном Богословом, – из византийского переводного Жития Андрея Юродивого (конец IX – начало X в.), известного русскому читателю уже в XII в., ставшего на Руси образцом для житий юродивых и других агиографических текстов. Это сочинение в духе средневекового романа, поскольку для переводной византийской агиографии характерны элементы беллетристичности [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 68]. Житие пользовалось популярностью у читателей, его успех объяснялся, «во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, – тем обстоятельством, что в наиболее рас-

² Сюжет видений об избиении беса святым в перечисленных сочинениях отмечен Д. И. Антоновым [2010, с. 69, 74].

³ В данном эпизоде описывается не просто избиение бесов, а их убийство – мотив, как показано А. Л. Юргановым [2006, с. 34–37], является инновационным в древнерусской книжной традиции.

пространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое $\sigma\kappa\lambda\beta\eta\eta\varsigma$), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец» (Житие Андрея Юродивого, 1999, с. 541)⁴. Иначе говоря, русские средневековые читатели считали Андрея «своим». Занимательность содержанию Жития Андрея Юродивого придают, в частности, множество включенных в него фантастических элементов – это и чудеса, и видения, ознаменован же подвиг будущего святого известным пророческим сном, в котором он побеждает перед сонмом адских и небесных сил огромного эфиопа – тысяцкого сатанинского войска, а после сам Христос наставляет Андрея на подвиг юродства. Это был единственный способ покинуть дом богатого господина, слугой которого являлся Андрей, и начать служение Богу. Когда хозяин понял, что его любимый слуга впал в безумие, то «повелѣ вести его въ церковь святѣя мученица Анастасия» для излечения. Второй пример сюжета, об избиении беса Богородицей, – из раннего весьма своеобразного старообрядческого Жития инока Епифания, появившегося на излете древнерусской традиции (1667–1676 гг.). Инок Епифаний, как и протопоп Аввакум, является автором одной из первых в русской литературе автобиографий, и свое покаянное житие описывает изуродованной палачами рукой, находясь в земляной тюрьме. В первой части Жития Епифания речь идет о пребывании инока в Сунорецком скиту, до того, как он принял мучения за «старую» веру. И главные ее события – борьба Епифания с бесами, творящими козни в его келье.

Придерживаясь общей схемы, сделаем пересказ видений Андрея Юродивого и инока Епифания по эпизодам.

1. Исходная ситуация видений – молитвенное состояние тайнозрителей:

Андрей Юродивый творит ночную молитву, прикованный цепью в храме святой великомученицы Анастасии: «Оному бдящю до полунощи и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмь храмѣ сердца своего Богу и святѣи мученици (Анастасии. – Т. К.) приносящу» (Житие Андрея, с. 336).

Инок Епифаний ложится отдохнуть после ночного правила: «Возлегшу ми по обычаю моему на мѣстѣ моемъ обычномъ, на голой доскѣ, а глава ко образу Пречистыя Богородицы» (Житие инока Епифания, 2013, с. 234)⁵.

2. Собственно видение:

1) появление персонажей – посланцев inferнального мира, собирающихся погубить подвижников:

Андрею является дьявол, «держай секиру», – тот самый «тысящникъ бо бѣаше дѣмоня полку», которого прежде во сне подвижник победил. Дьявол решил отомстить будущему святому, приведя с собой множество вооруженных бесов, несущих «ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копя, друзѣи же ношаху ужа» (Житие Андрея, с. 336).

⁴ Далее ссылки на Житие Андрея Юродивого даются сокращенно.

⁵ Далее ссылки на Житие инока Епифания даются сокращенно.

В Житии Епифания проверяется на прочность вера подвижника, вскоре пострадавшего «за слово и за свидетельство Иисус Христово». К нему в келью входит бес «яко лютой и злой разбойник», как описывает сам Епифаний: «И ухватил мене, и согнулъ вдвое, и съжалъ мя крѣпко и туго зѣло: невозможно ми ни дышать, ни пицать только смерть» (Житие Епифания, с. 234).

2) обращение подвижников к Высшим силам:

В Житии Андрея подвижник взывает о помощи к Господу и Иоанну Богослову: «Он же (Андрей. – Т. К.) съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: “Не предай же звѣрем душа моя исповѣдающуюся тебе!”. И се рекъ: “Святый Иоанне апостоле Богослове, помози ми!”» (Житие Андрея, с. 338).

В Житии Епифания инок сначала обращается к Николаю Чудотворцу: «И еле на великую силу пропицалъ в тосках сице: “Николае, помози ми!”». Бес внезапно исчезает. Затем инок с печалью и со слезами молитвенно обращается к «вольяшному медянному» образу Богородицы: «О, Пресвятая Владычице моя Богородице! Почто мя презираеши и не брежеши мене бѣднаго и грѣшнаго! Я веть на Хритса-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ... Видиши ли, Владычице моя Богородице, в малѣ веть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил...» (Житие Епифания, с. 234).

3) появление по зову подвижников посланцев сакрального мира и избивание ими бесов:

В Житии Андрея Юродивого является святой апостол Иоанн Богослов «и множество много с нимъ» и «повелѣ же честныи он старецъ своимъ, да сняша железное уже съ шия Андрѣовы». Железной цепью с шеи Андрея Иоанн избивает бесов и дьявола (Житие Андрея, с. 338). Когда бесы побеждены, святой апостол вновь «възложивъ уже» на шею подвижника, шутя, обращается к нему: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводяшь удобная, пекыися всегда и подая тебе». Оказывается, Андрей не узнал своего спасителя и, спросив, кто он, получил ответ: «Аз есмь иже възлеже на честныи и животворящия пѣрси Господа нашего Иисуса Христа».

В Житии Епифания подвижнику является Богоматерь, которая сбежавшего беса «в руках у себя мучить», и сердце подвижника от этого наполняется «великия радости». Богородица отдает уже мертвого беса Епифанию, продолжившему «его мучити». Затем подвижник бросает мертвого беса в окно, тот оживает и, как пьяный, уходит прочь (Житие Епифания, с. 235).

3. Итог видений – прославление Высших сил:

В Житии Андрея после происшедшего подвижник «дивился... и горячо прославлял милость Бога» (Житие Андрея, с. 338).

В Житии Епифания инок после видения преисполнился «великой радости, и прославих Христа и Богородицу-свѣта» (Житие Епифания, с. 235).

В рассмотренных примерах традиционно представлена исходная ситуация видений – молитвенное состояние тайнозрителей и итог видений с прославлением Высших сил, спасших подвижников от смерти. Наиболее интересна часть сюжета («собственно видение»), в которой разворачивается главное событие – избиение бесов посланцами сакрального мира, и в центре внимания оказывается столкновение персонажей сразу двух миров. В видениях, связанных с земным бытием человека, как правило, является персонаж / персонажи, принадлежащие одному из миров, сакральному либо инфернальному. Рассмотрим сцену избиения бесов.

Обычно в житиях тайнозрителем видений, как в варианте Жития Андрея Юродивого, является святой. В Житии инок Епифания – простой человек. Здесь нужно иметь в виду, что в XVII в., по Д. С. Лихачеву, происходит открытие ценности человеческой и авторской личности и старообрядческие автобиографии этот феномен ярко демонстрируют [Лихачев, 1958, с. 151–161]. Кроме того, в данной сцене исполняет несвойственную функцию Богородица, избивающая беса. В русских сочинениях это обычно функция Николая Чудотворца – скорого на расправу помощника. Вспомним, к примеру, упомянутое ранее явление святого Николая, избивающего бесов палицей, по молитве Юлиании Лазаревской. Заметим, что в Житии Епифания Николай по зову подвижника не является, хотя бес от произнесения его имени исчезает. Вместо него является Богородица. Постараемся далее объяснить, почему.

Идея о возможности мучения бесов восходит к словам Христа о даруемой ученикам власти над бесами (Лк. 10:17–20). В Житии Андрея Юродивого эта идея получает воплощение на примере действий апостола Иоанна Богослова. Из его Жития известен рассказ о его победе над бесами, посылаемыми волхвом Кинопсом, одержанной силой Божьей благодати, проводником которой является Иоанн. В Житии Андрея мощь этой духовной силы продемонстрирована наглядно в сцене физического избиения бесов апостолом. В ее начале апостол Иоанн снимает железную цепь с шеи Андрея, в конце возвращает. Это действие «обрамляет» центральное событие видения, в описании которого присутствуют динамика и яркие детали: «И ста вне врат <речь идет об Иоанне Богослове. – Т. К.> и рече к своим: “Ведите ми я по единому”. Приведоша же и ростягоша по земли. И взем апостол уже железное, прегну натрои, вда ему ран 100. И вопияше же яко человек: “Помилуй мя!”». К этому действию присоединяется и свита апостола: «По ряду же бивше всех, биюще, поведяху биеным и пущеным: “Шедше, покажите себе отцю своему Сотоне, любо ли ему се будет?”» (Житие Андрея, с. 338). Событие избиения бесов, изложенное в форме занимательного и наглядного рассказа, помогает понять простому читателю, насколько высок духовный подвиг Андрея, к которому на помощь является сам Иоанн Богослов. В. П. Адрианова-Перетц, говоря о переводных византийских житиях, замечает, что «назидательной цели житийного повествования не противоречило то, что оно иногда превращалось в увлекательный рассказ о таких событиях жизни святого, которые открывали возможность более глубокого проявления его христианских добродетелей» [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 69]. В Житии инок Епифания сцена мучения беса Богородицей описана, напротив, лаконично: «А Богородица от образа прииде, яко чистая Дѣвица, и наклоняся лицом ко мне, а в руках у себя бѣса мучит, кой меня мучил» (Житие Епифания, с. 235). В исповедальной автобиографии Епифания не может быть установки на «зрелищность» сцены избиения беса, по-

скольку в ней в первую очередь отражается очень чувственный духовный мир героя. Важной его частью являются близкие, почти «человеческие» отношения Епифания с «вольяшным медяным» образом Богородицы (сквозная деталь повествования), принесенным иноком из Соловецкого монастыря, в котором он воспитывался. Вспомним, например, что Епифаний может, обращаясь к образу, и упрекать Богородицу, и жаловаться ей одновременно: «Почто мя презираещи и не брежещи мене бѣднаго и грѣшнаго! Я вѣть на Хритса-свѣта и на тебѣ-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ, и монастырь оставил и идох в пустыню работати Христу и тебѣ, и всю мою надежду во всем возложил на Христа и на тебѣ. Видиши ли, Владычице моя Богородице, в малѣ вѣть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережещи мене! Богородице, свѣт моя, не покинь мене, бѣднаго раба твоего, обороняй мене от злодѣев тѣх!» (Житие Епифания, с. 234). С образом Богородицы связаны все видения и чудеса в Житии. М. Б. Плюхановой отмечено, что «житие продолжает важную для древнерусской словесности традицию: оно повествует о чудесах от иконы Богоматери... Но сравнение с традиционными русскими повествованиями о чудотворных иконах позволяет сразу же различить в Житии Епифания необыкновенную черту: высшие силы небывало близки к Епифанию. Богородица является ему не только иконой, она часто приходит к нему во плоти, щупает его больную руку, говорит с ним» [Пустозерская проза, 1989, с. 35]. Обусловленное мировосприятием главного героя и автора Жития появление Богородицы в рассмотренной сцене избития беса неслучайно.

Еще одной важной особенностью эпизодов борьбы с духами в Житии Епифания, в отличие от традиционных древнерусских житий, является их описание в реалистичном, «плотском» ключе, что показывает и рассмотренная нами сцена. А. Н. Робинсон назвал это явление «литературной материализацией видений» [1958, с. 211]. Приведем также пример эпизода, в котором сам Епифаний избивает беса: «И приидоша ко мнѣ в келию два бѣса, один нагъ, а другой ф кавтанѣ; и взял доску мою, на нейже почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадяху ми опочинути, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, осердяся на них, встал со одра моего скоро и взял бѣса нагово поперекъ посредеѣ его, он же перегнулъся, яко мясище нѣкое бѣсовское, и начах его бити о лавку, о коничекъ, и вопиюще сиче къ высотѣ небесней великим голосом: “Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святыи ангеле мой хранителю, помози ми!”» (Житие Епифания, с. 235). Подобные описания в Житии Епифания отражают бытовые взгляды (близкие к народным) на отвлеченное понятие – телесность бесов (солидная научно-богословская подготовка была только у одного из соиздателей Епифания – дьякона Федора). Заметим также, что в Житии Андрея Юродивого ни у одного из персонажей, участвующих в сцене избития бесов, признаков телесности нет. Представления автора Жития Епифания, с одной стороны, могут складываться под влиянием визуальных образов. К примеру, в древнерусской иконографии очень распространенным было изображение Никиты-«бесогона», держащего беса за хохол и заносащего правую руку для удара, – одного из наиболее популярных на Руси святых-демоноборцев [Антонов, 2010, с. 70]. С другой стороны, не стоит исключать и влияния византийских сочинений. Весьма вероятно, что, будучи в монастыре, инок Епифаний занимался переписыванием книг: «Об этом свидетельствует сохранившийся даже в тюремных условиях свою калли-

графичность полуустав узника, умение редактировать тексты и делать из написанного полноценные книги» [Виноградов, 2016, с. 85–86]. Некоторые сюжеты вполне могли быть иноком усвоены. Д. И. Антонов считает, что борьба Епифания с духами по натурализму приближается к мученичеству святой Марины (Маргариты) Антиохийской, вырвавшей у беса полбороды, правое око, затем избившей его медным молотом [Антонов, 2010, с. 68]. Святая мученица Иулиания Никомидийская, победив искушителя, избив его железными оковами, наутро выбросила в кучу грязи на дороге, Епифаний же, продолживший мучить беса после избияния его Богородицей, выкидывает мертвого духа в окно.

Итак, при анализе видений из Житий Андрея Юродивого и инока Епифания выявляются как их типологическое сходство, так и специфические черты, которые заданы традицией, временем создания и прагматической направленностью сочинений. Рассмотренные примеры позволяют проследить эволюцию изображения сцены избияния беса святым в литературном процессе средневековой Руси, свидетельствующую о значительных изменениях жанра видений в переходный период отечественной словесности.

Список литературы

Антонов Д. И. «Беса поймав, мучаше...». Избиение беса святым: демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 61–75.

Виноградов А. В. Соловецкий иннок Епифаний: опыт реконструкции биографии // Православие в Карелии: Материалы IV Науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2016. С. 81–101.

Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. 597 с.

Ковалева Т. И. Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 21 с.

Ковалева Т. И. Опыт типологии видений в древнерусской агиографии XIII–XVII вв. // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 87–103.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. 186 с.

Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. 430 с.

Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56.

Пустозерская проза / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989. 364 с.

Робинсон А. Н. Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 203–224.

Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.

Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. 433 с.

Список источников

Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси / Подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 330–359; 541–544.

Житие инок Епифания // Библиотека литературы Древней Руси / Подгот. текста и коммент. Н. Ф. Дробленковой, Н. В. Поньрко. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 229–254; 580–584.

References

Antonov D. I. “Besa poymav, muchashe...”. Izbiyeniye besa svyatym: demonologicheskii syuzhet v knizhnosti i ikonografii srednevekovoy Rusi [The Beating a Demon by a Saint: Demonological Plot in Literacy and the Iconography of Medieval Russia]. In: *Drevnyaya Rus'* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2010, vol. 1 (39), pp. 61–75. (in Russ.)

Istoki russkoy belletristiki: vzniknoveniye zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature [The Origins of Russian Fiction: The Emergence of Genres of Plot Narration in Old Russian Literature]. Leningrad, 1970, 597 p. (in Russ.)

Kovaleva T. I. Opyt tipologii videniy v drevnerusskoy agiografii XIII–XVII vv. [Experience in the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography of the 13th – 17th Centuries]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2019, no. 1, pp. 87–103. (in Russ.)

Kovaleva T. I. Videniya v agiograficheskikh pamyatnikakh drevnerusskoy literatury XIII–XVII vv.: zhanrovaya evolyutsiya i syuzhetoslozhenie [Visions in Old Russian Hagiographic Monuments of the 13th – 17th Centuries: Genre Evolution and Plot Structure]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2017, 21 p. (in Russ.)

Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi [The Man in Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1958, 186 p. (in Russ.)

Pigin A. V. Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti [The Visions of the Otherworld in Russian Manuscript Booklore]. St. Petersburg, 2006, 430 p. (in Russ.)

Prokofiev N. I. Videniye kak zhanr v drevnerusskoy literature [The Vision as a Genre of Old Russian Literature]. In: Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute. Moscow, 1964, pp. 35–56. (in Russ.)

Pustozerskaya proza [Pustozersk prose]. Comp., preface, comm., translation of certain fragments by M. B. Plyukhanova. Moscow, 1989, 364 p. (in Russ.)

Robinson A. N. Zhitiye Yepifaniya kak pamyatnik didakticheskoy avtobiografii [The Life of Epiphanius as a Monument of Didactic Autobiography]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; St. Petersburg, 1958, vol. 15, pp. 203–224. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Sibir' i literatura: XVII vek [Siberia and Literature: The 17th century]. Novosibirsk, 2002, 391 p. (in Russ.)

Vinogradov A. V. Solovetskiy inok Epifaniy: opyt rekonstruktsii biografii [Solovetsky Monk Epiphanius: Biography Reconstruction Experience]. In: *Pravoslaviye v Karelii* [Orthodox in Karelia]. Materials of the 4th Scientific Conference to the 25th

Ковалева Т. И. Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии

Anniversary of the Revival of Petrozavodsk and Karelian Dioceses (Petrozavodsk, November 25–26, 2015). Petrozavodsk, 2016, pp. 81–101. (in Russ.)

Yurganov A. L. Ubit' besa. Put' ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni [Kill the Devil. The Path from the Middle Ages to the Early Modern Times]. Moscow, 2006, 433 p. (in Russ.)

List of Sources

Zhitie Andrey a Yurodivogo [The Life of Andrew the Fool]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. Prep. of text, trans., comm. by A. M. Moldovan. St. Petersburg, 1999, vol. 2: The 11th – the 12th centuries, pp. 330–359, 541–544. (in Russ.)

Zhitie inoka Epifaniya [The Life of the Monk Epiphanius]. In: Biblioteka Literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. Prep. of text, trans., comm. by N. F. Droblenkova, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, 2013, vol. 17: The 17th century, pp. 229–254, 580–584. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук

Information about the Author

Tatyana I. Kovaleva, Candidate of Sciences (Philology)

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2